

Марина Генцарь-Осипова ИЗ БИЗНЕС-ШПИЛЕК В КЕДЫ ФРИЛАНСА

БОЛЕЕ
100.000
ПОДПИСЧИКОВ
В ИНСТАГРАМ

Путь к себе

История, изменившая судьбы.
Основано на реальных событиях

Предисловие *Полина Пудовкина*

Марина Генцарь-Осипова

Из бизнес-шпилек в кеды фриланса. Путь к себе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45549821

ISBN 9785005044952

Аннотация

Что сохранить? Бизнес, куда вкладывала все свои силы и средства 10 лет. Или будущего ребёнка, который с вероятностью 90% родится с синдромом Дауна. Прочитав книгу, вы узнаете, какой выбор предпочла автор, и куда привело её судьбоносное решение. Глава за главой вы рассмотрите разноцветные лоскутки её жизни, что долгое время лежали в корзинке отдельными отрезками. Пока наконец не собрались в уютное книжное полотно. Позвольте укутать вас одеялом историй и обнять сердцем сквозь времена и расстояния.

Содержание

Предисловие. П. Пудовкина	5
Введение	8
Часть 1.	12
Глава 1. Поздравляю. У вас будет... урод	12
Глава 2. Как дочку назовешь?	14
Глава 3. С книгой по жизни	21
Глава 4. перевязки без права переписки	26
Глава 5. Цена первого класса	30
Глава 6. Октябратская лихорадка	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Из бизнес-шпилек в кеды фриланса Путь к себе

Марина Генцарь-Осипова

Редактор и автор предисловия Полина Пудовкина

Корректор Екатерина Федорова

Фотограф Оля Иная

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Марина Генцарь-Осипова, 2019

© Полина Пудовкина, редактор, 2019

© Оля Иная, фотографии, 2019

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-4495-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие. П. Пудовкина

«Они не знают, какой воин скрывается за образом мамы трех девочек», – сообщит нам муж автора в последней главе книги. К тому моменту мы уже ни на толику не будем сомневаться в его словах.

Перед нами – хроника пути воина, который совместно предстоит пройти от строчки к строчке, от события к событию. Сражаться за любовь, за бизнес, за жизни своих детей и за себя истинную. Сыграть несколько партий со смертью и виртуозно обыграть. Но все же в один момент она придет забрать того, кто казался таким родным, и скажет: «Мое». А заодно прихватит кусочек тебя. И на месте оторванной плоти придется нарастить крылья.

Несколько раз дорогу нам перегородит камень. Налево пойдешь – беду найдешь, направо пойдешь – все потеряешь, прямо пойдешь – себя обретешь. Только камень предательски умолчит, что, какое б ни выбрала направление, все перечисленное и еще тележка сюрпризов ожидают на пути. Большинство женщин так или иначе стояли перед этими дилеммами: мой это мужчина или нет, рожать или не рисковать, начать все сначала или сохранить семью, посвятить себя детям или спасти свое детище – бизнес? Поэтому эта исто-

рия очень женская и, нежно взяв за руку каждую читательницу, проводит туда, где хранятся ее личные свитки с ответами. Любой можно развернуть и, заново перечитав, вспомнить и переоценить: а туда ли я свернула? К каким последствиям это привело? Могла ли я тогда вообще поступить иначе? И вот это уже совсем не нежная история. Процесс переосмысления может стать очень болезненным. Но автор ни в коем случае не принудит нас к нему, проводив лишь до двери хранилища. А там уж самой решать – остановиться или войти.

Эта книга создавалась на борту самолетов, в вагонах поездов, на палубах судов. Зарисовывалась в странах Европы и Азии. Чтобы пройти и записать свой путь, автору даже пришлось соприкоснуться с потусторонним миром, пережив клиническую смерть.

И вот девочка Марина из первых глав, та самая, что росла в частном секторе маленького городка и мечтала о подмостках столичных театров, уже стоит за кулисами и с трепетом ждет, когда мы откроем занавес – перелистнем страницу. Чтобы она могла сыграть для нас свою главную роль. Себя.

Полина Пудовкина

Посвящается чайке по имени Михаил Кравченко
и другим, взлетевшим над собой.

Введение

– Мэм, останьтесь одна, без переводчика. Мне нужно сообщить вам нечто важное.

– Но мой английский не настолько хорош...

– Вы всё поймёте.

Экспедиция ушла дальше – вглубь каменных коридоров древнего храма Ангкор Ват. В просторном колонном зале задержались только мы с мужем. Старый буддийский монах, обратившийся к нам, внимательно прищурился. То ли от слабого зрения. То ли разглядывал так одному ему видимые и ведомые скрижали наших судеб.

Словно по чьему-то тайному сигналу в зал вбежала стайка обезьян. Они облепили мужа как дети и потащили играть. Так и не дав толком рассмотреть настенные узоры, что висели здесь уже тысячу лет.

Я уселась в позу лотоса прямо на холодный каменный пол и осторожно взяла из морщинистых рук монаха толстую стопку выцветших табличек. От старости они готовы были вот-вот рассыпаться в моих ладонях. Но допустить этого было ни в коем случае нельзя – каждая сквозь времена несла важное послание. Старый провидец жестом показал, что таблички нужно положить на голову: «Внутренне сосредоточь-

ся на том, что тяготит твое сердце больше всего».

Внутренне? Мне казалось, что мысли кричат оглушительно громко, раздаваясь эхом в колонном зале. А ветер подхватывает и разносит их по всем коридорам древнего храма. И я улетала куда-то вместе с ними вдаль. Пока наконец монах не изрек свое пророчество.

– Мэм умирает.

Длинная костяная игла вонзилась в стопку табличек и, кажется, пронзила насквозь мое сердце.

– Но это только кажется, – старик, не дав опомниться, тут же схватил мою руку в свои сухие ладони. – Просто сейчас мэм – гусеница. Кокон становится все плотней и тесней. Но скоро гусеница превратится в бабочку, у мэм появятся крылья, и она сможет летать.

– Когда? Когда это произойдет? – еле выдавила я слова, онемев от ужаса перед пророчеством.

– В 33 года, – монах уже откуда-то взял и начал завязывать мне на запястье красные нити. – Ждать осталось недолго. Мэм очень счастливый человек! Не каждому дано переродиться дважды за одно жизненное путешествие.

– Какое уж тут счастье. Если бы вы только знали, как мне тошно и пусто.

– Все мы боимся жизни или смерти. Но куда сложнее оставаться в ловушке между ними, – завязав последнюю, третью нить, старик прошептал, как будто в зале был кто-то, кро-

ме нас двоих. – Вас с ним невозможно различить. Вы лишь на время пошли разными дорогами, но обязательно встретитесь вновь.

Пламя очага отражалось в глазах старца, исполняя древний таинственный танец и донося до самого сердца слова, сказанные на прощанье: «Мэм и сама это знает, как и многое другое. Но ещё боится доверять своим внутренним ответам».

Откуда он узнал, что произошло? И мой возраст? Как он вообще оказался здесь, в полуразрушенном древнем кхмерском храме? Один посреди джунглей.

Мысли толпились в голове, пока мы плелись обратно, ища экспедицию. А к горлу подступали иные, сакральные вопросы, которые не успела, не решилась озвучить монаху.

– Давай вернемся. Мне очень нужно! – по моему умоляющему взгляду и дрожащему голосу муж моментально все понял.

Мы мигом принеслись обратно. Но монаха уже не было. Древний колонный зал был абсолютно пуст и мертв. Исчезли даже обезьяны.

Я осторожно взглянула на Сережу.

– Нет, тебе не показалось, – он тепло прижал меня к себе, мы долго стояли так, обнявшись и сохраняя молчание. Каждый о своем.

– Пора догонять остальных, уже темнеет.

Гнаться. Догонять. Отныне именно этого мне хотелось меньше всего.

Часть 1.

Рожденная в СССР

Глава 1. Поздравляю. У вас будет... урод

– Поймите же, у вас родится урод! Вы что, правда, этого хотите? – врач смотрела на меня поверх очков, победоносно, чуть ли не с ухмылкой. Как будто привела сокрушительный довод в решающем споре.

– Зачем? Зачем же вы так? – я не узнавала свой голос, он дрожал. От страха? Протеста? Возмущения?

В истерике я не смогла толком разобрать этих чувств. Во-время, под предлогом спасения меня (но на самом деле врачихи), в кабинет ворвался Сережа.

Кульминация. Развязка. Занавес. Зал в моем лице рукоплескал стоя и распускал сопли.

Уже в машине я снова и снова прокручивала фатальный диалог с главным генетиком города. Что же это было за чувство? Вспыхнувшее в самый первый момент, а затем притаившееся на дне разума, мстительно выжидающее своего часа? Иди сюда, миленький, я рассмотрю тебя поближе. Нащу-

пав его, я вздрогнула всем телом. Это было отвращение. Да, точно. Оно. Мерзкое, склизкое.

Но к кому отвращение? К врачу? Или все же...

Муж гнал машину прочь от перинатального центра, а я гнала от себя гадкие мысли.

– Сережа, – наконец прервалось удушающее молчание, – а что, если...

– Даже не думай об этом! – он резко притормозил и оборвал меня. – Мы будем рожать.

– Мы? Как будто ты тоже будешь рожать?! – я зашипела как загнанный зверь. – Вообще-то я тебе не инкубатор, с матерью тоже надо считаться. Все кому не лень распоряжаются моей жизнью: то стыдят, то запугивают. Хоть кто-нибудь спросил, чего хочу я? Что вообще чувствую?

Машина остановилась, я завелась. Не помню, сколько ведер помоев вылила тогда на мужа, смиренно подставившего свою голову. Нечистоты лились бесконечным каскадом, пока шлюзы не закрылись и на смену потоку словесного дерьма не пришел поток слез.

Сергей осторожно положил мою голову себе на колени, украдкой глядя по волосам. Он молчал. Долго и угрюмо. Как вдруг я почувствовала, что сотрясается все его мужское тело. Подняв глаза, я не поверила им – мой бородатый рыцарь рыдал словно мальчишка, не в силах совладать с эмоциями.

– Сережа, перестань, – я резко села и судорожно принялась стирать размазанную по всему лицу тушь. – Ты должен быть сильным. Это я беременная. Это у меня гормоны. Это мне сказали, что внутри – урод, которого надо вытащить, пока не поздно.

– Может, хватит думать только о себе? – тихо, но внятно произнес муж. – Твоя жизнь не принадлежит мне. Но ребёнок – наш. Понимаешь? Общий! И мы будем его рожать. Я не вправе что-либо запретить тебе, но обязан уберечь.

– Кого уберечь?

– Тебя, дуручку, от самой себя.

– Да не собираюсь я от него... прерывать беременность. Я что, больная? Уже 20 недель. Малыш шевелится, живет внутри. Я люблю его, жду встречи и, – слезы снова подступили. – Но мне так страшно.

– Мне тоже страшно. Но одно я знаю точно. Мы справимся.

Глава 2. Как дочку назовешь?

Наташе запрещали рожать. По медицинским показаниям. Но она не боялась, потому что с детства научилась жить с пышным веером хронических заболеваний. В младенчестве диагностировали светобоязнь, в простонародье «куриную слепоту». Затем – ревматизм и порок сердца. К семи годам в нагрузку достались астигматизм и звание очкарика

на долгие годы. Толщине ее медицинской карточки уступали даже рукописи Толстого.

Несмотря на это, Наташа не любила быть обузой и всячески избегала утруждать кого-то своими проблемами. По природе весьма неприхотливая в просьбах, она была очень щедра на отдачу.

Глухонемые родители воспитали дочь в скромности и строгости. То были времена тотального дефицита для всех и во всем. Но у Наташи – еще и на устное общение с близкими. Она никогда не слышала доброго голоса папы. В её детстве не было ни одной прочитанной сказки, ни одной спетой колыбельной, как и звонкого, заливистого смеха мамы.

Слова в этой семье заменяли языком жестов и подсказками сердца. Природа обделила маму Тамару речью и слухом, но наградила даром рукоделия. А дочка переняла мастерство. Наловчилась из клубков и лоскутков ткать гобелены и половицы. Из тонких нитей на коклюшках плести узорные кружева. А из безликого рулона материи создавать искусные наряды.

Далеко не всегда удавалось достать новый отрез, чаще перекраивали старое. Распускали на пряжу мешковатые фабричные вещи и вывязывали свои, по фигуре. Вышивка, плетение и шитье стали не только любимыми занятиями маленькой Наташи, но и надежным ремеслом на всю жизнь,

не раз выручавшим. Но самые нежные чувства с детства питала она к кистям и краскам. Холстов было не сыскать – рисовала на чем придется, каждый раз восхищаясь преображению блеклого полотна в живописную историю. Вот не было ничего – пустота, но раз: и вырос лес, разлилась река, зажила деревня и повалил густой дым из печных труб, будто настоящий. Как истинные сокровища хранились карандаши и краски, с трудом добытые дедом-чиновником через самые высокопоставленные связи.

Дедушка работал в Управлении внутренних дел и ездил на черной «Волге». Поскольку Наташин папа был глух не с рождения, то успел запомнить статный тембр наделенного властью отца. Как и грубый голос своевольной матери. Когда маленький Толя тяжело заболел отитом, мать не придала тому особого значения. Тогда рожали много, следили мало. Малыш сперва оглох, а затем и вовсе стал немой обузой для без того многодетной матери-героини. Судьба, обрядив Настасью в женское тело, забыла наделить материнской добротой. Сердце в ее могучей груди было столь же глухо, как уши сына.

С наступлением войны семилетнего Толю отправили в Шадринский интернат для глухонемых. Спустя несколько недель он бежал и вернулся домой. Глухонемой мальчонка протопал около 100 километров. Пешим. Один.

Дома его «радушно» встретили побоями и отправили обратно. Голод и холод стали интернатским детям отцом и матерью. Кровати были переплавлены на военные нужды, спали на соломе. В такое время кому было дело до инвалидов?

От верной гибели Толя бежал во второй раз в родную деревню. Ведьма-мать отправила строптивца работать. Лишний рот в доме Настасье не нужен.

Так глухонемой Толя начал ходить по дворам и выполнять работы за хлеб или крынку молока. Потом был колхоз, курсы токарей-фрезеровщиков, работа в железнодорожном депо и, наконец, Курганский машиностроительный завод.

Здесь некогда беспризорный Толя стал Анатолием, мастером. Его уважали и осыпали просьбами как простые люди, так и высокопоставленные чины. Жестянщик-кузнец Анатолий обращался с металлом искусно, как художник с полотном. Там же, в заводском клубе, познакомился с застенчивой красавицей Тamarой. Девушка тоже была глухонемой, тоже из многодетной семьи. Правда, на нее у родителей хватило и любви, и заботы. Может, оттого и пришлась добрая барышня по сердцу парню. Скоро сыграли свадьбу. Пара была невероятно красивая, как из кино. Только, увы, немного.

Кроме железа, Анатолий питал страсть к путешествиям. Побывал во многих Советских Республиках и отовсюду привозил сувениры с памятными именными надписями для своей Наташи. Он считал себя инвалидом, но не ущербным.

Был обучен грамоте, с отличием окончил вечернюю школу и неплохо читал по губам.

Ловко объяснял смышленной дочери даже сложные категории: течение времени, вращение земли, движение небесных тел. После тяжёлой заводской смены находил силы позаниматься с ней спортом и гимнастикой. Младшую дочурку тоже, конечно, любил, но Наташу чуточку больше. А та, в свою очередь, с пелёнок окружила любовью и заботой младшую сестричку. Пела песни, читала книги, разучивала детские считалочки – всё, чего недополучила сама.

И неслучайно в будущем выбрала делом жизни заботу о детях – долгие годы проработала воспитателем в детском саду, вырастив не одно поколение. А затем перешла в школу, приобщать подростков к рукоделию и прививать любовь к рисованию и искусствам.

Наташа во многом опередила своё время: её ассоциативное видение мира, прикладные идеи и умение рождать нечто из ничего до сих пор восхищают тех, кто знаком с нею. Но своими главными творениями она считает нас, своих дочерей. Которых, к слову, ей категорически запрещали рожать. По медицинским показаниям – ну вы помните.

Моя история началась теплым октябрьским деньком в скромной палате областного роддома. В тот день 24-летняя Наташа была во всеоружии. Как раз расплетала косички, расчесывала пышную рыжеволосую шевелюру, когда по-

чувствовала первые ощутимые схватки. В палате лежали ещё несколько женщин, и роженице казалось неудобным стонать, а уж тем более кричать. Она упиралась ногами в кровать, когда было совсем невмоготу. Время обеденное, «врачи ведь тоже кушать хотят» – рассуждала Наташа и продолжала терпеть.

Так и перетерпела все схватки и потуги, лёжа в палате. Когда шедшая мимо медсестра зыркнула в палату, одного взгляда было достаточно, чтобы понять: ребёнок сильно торопится явить себя миру.

Дальше была комичная и едва не трагичная сцена погони по коридору с задранном подолом. В родовую Наташа вбежала утиной походкой и голой правдой, прикрытая лишь длинными волосами.

– Это что за явление? – остолбенел от такой «красоты» врач. – А ну, живо ее на кушетку и приготовить к родам.

– Чуть не проморгали, – оправдывалась запыхавшаяся медсестра, – лежала в палате и молчала, говорит, ждала, когда пообедаете.

– Терпеливая значит? – строго глянула на Наташу прибежавшая тут же акушерка и ухмыльнулась. – Ну вот сейчас посмотрим, как заголосишь.

Роды были мучительно длинные и глухонемые. В том смысле, что роженица не проронила ни звука, лишь вздох облегчения, когда услышала крик своего первенца.

– Умница, – сухо похвалил врач. – Ох и напугала ты нас.

Дочка далась Наташе не просто. Слабое сердце и букет сопутствующих заболеваний не способствовали скорейшему родоразрешению. В какой-то момент врач всерьез испугался за жизни матери и ребенка. Но, несмотря на молодость и небольшой пока опыт, сделал все, чтобы малышка пришла в этот мир не только живой, а еще и здоровой.

– С твоими-то диагнозами могло все печально закончиться, – вздохнул темноволосый врач-акушер, снимая перчатки. – А теперь уж береги себя. Решила, как дочь назовёшь?

Этот вопрос мучил новоиспеченную мать все последние дни, но ответа так и не приходило. Наташе нравилось «Регина», но свекровь, побывав в плену у фашистов, была против имен «оттуда». Тогда была мода называть в честь акушерки. Но та оказалась очень уж неприветливой, да к тому же тезкой.

Наташа повернула голову к только что родившей соседке:

– Как тебя зовут, милая?

– Марина.

Так буднично и нашлось имя мне.

До чего удивительны порой хитросплетения судьбы – такие узоры вывязывают. Регина все же появится в нашей семье. Но обо всем по порядку.

Глава 3. С книгой по жизни

– Почитай, ну почитай, – ходила я по пятам с толстой книжкой наперевес за воспитателем младшей группы.

– Наташа, ну это же невыносимо! – взмолилась она, увидев маму. – Дома Мариша тоже бесконечно просит читать?

– Да, – засмеялась мама, – читаем постоянно, а по дороге в садик еще и пересказываем любимые сказки.

Начиная с года, каждое утро мама показывала мне буквы из разрезной азбуки, а потом просила найти их в книжках. Со временем, сейчас уж и не вспомнить как, я поняла секрет сложения букв в слоги, а затем и в слова.

И вот однажды.

– СО-ВЕТ-СКОЕ ЗА-У-РА-ЛЬЕ! – старательно выговорила я по слогам название газеты.

– Батюшки-святюшки, – всплеснула руками бабушка, – и впрямь читает! Дед, ну ты видел? Точнее, слышал? В три года читает. Это ж надо!

– Ну-ка, Мариш, давай вот с этой строчки, – засомневался дед. – Поди, название просто запомнила.

Он и сам неважно читал: не по слогам, конечно, но медленно. В аттестате были всего четыре класса советско-румынской школы. Родился дед в Карпатах. Небольшой хутор

уютно расположился в Черновицкой области, всего в 20 километрах от границы с Румынией. Вечером, когда в избе гасили лучину, на настилах укладывались аж 15 ребятишек. Сапоги были одни на всех. Где уж тут грамоте обучить – накормить бы, и то ладно. По недосмотру в младенчестве он сильно обгорел. Мать уложила запеленатого на верхний уступ печи, а он возьми да и скатись, как колобок, прямо на растопленную плиту. Через всю жизнь пронес дедушка тёплые воспоминания о маме и отпечатки жаркого поцелуя печи на щеках.

Первый класс окончил в советской школе. Затем власть сменилась, и вместо второго ребягня снова пошла в первый класс, но уже румынской гимназии. Через год опять пришлось пересесть за советские парты. Точнее, школа была та же самая, только флаг над ней менялся. То были тридцатые – сороковые годы 20-го столетия. Надо ли говорить, что в этой политико-географической чехарде дед уразумел немного грамоты.

А тут, ты посмотри, такая пигалица в свои неполные четыре букочки складывает. Да как ловко!

– Дан-ное про-ис-шес-твие про-и-зо-шло в ми-нув-ший вто-рник на Кур-ган-с-ком ма-ши-но-с-трои-те-льном за-воде, – я отложила газету и шумно вздохнула. – Всё, дедушка, устала. Уж больно длинные и скучные тут слова. Давай лучше я тебе «Айболита» или «Тараканище» почитаю.

#И торопливо свернув свежий выпуск «Зауралья», положила его на буфет. В старинном колченогом буфете всегда водилось что-нибудь вкусненькое: в ящичках сладко пахло медом, вареньем, «дюшесом» и рассохшимся деревом.

– А чай-то пить когда будем? – деловито спросила Мариша все еще изумленную публику в лице бабушки с дедушкой.

– Да ты ж наша умничка. Сейчас-сейчас, – бабушка подхватила края передника своими скрюченными от тяжелой работы пальцами и выскользнула в летнюю кухню. – Коля, а ты чего сидишь, к табурету что ль прилип от удивления? Давай стол раскладывай. Ребёнок голодный.

#Стальной тон весьма хрупкой на вид бабушки выдернул дедушку из размышлений. Весело подмигнув мне, он кинулся хлопотать по хозяйству, чуть не наступив на Ваську, что путался под ногами. Рыжий кот, который впоследствии оказался кошкой Василисой, терся о мои колени и мурлыкал песни. Усевшись на пол, я охотно запустила руки в густую теплую шерстку. Васька прибавил громкость мурчания на всю мощь и блаженно растянулся.

#В печи уютно потрескивали дрова, обсуждая невиданное доселе столь раннее чтение. Расписные чашечки тонкого фаянса в нетерпении позвякивали о блюдца – им тоже хотелось посмаковать свежие новости. Вдруг начищенный до блеска пузатый самовар зашипел и выпустил на всех пар – напо-

нил, кто тут главный.

#Но как только в комнату вошла истинная хозяйка дома, все сразу стихли. На бабушкином подносе благоухали наполненная доверху розетка с вареньем и свежий, ещё горячий хлеб.

– Зем-ля-нич-ное-е-е-е, – протянула я, зажмурившись в предвкушении.

– Земляничное, – улыбнулась бабушка. – Брось кота, намой руки и садись к столу.

Добрая улыбка, но неизменно строгий тон – в детстве я немного побаивалась ее за это. Уже позже узнала, что пришлось пережить бабушке в годы войны. Родную деревню в Смоленщине сожгли дотла. Всех, кто выжил, угнали в плен. Родителей – в один, а ее с маленьким братом – в другой. Маша с мальчонкой и ещё несколькими женщинами сумели бежать.

Тёмными ночами голодная и задрогшая пробиралась сквозь лесные чащи и болота к своим. Выжила, добралась. Но впереди ждали лишь долгие годы тяжкого труда. Сначала в тылу, а потом на благо светлого социалистического будущего. Страшно представить – 16-летняя хрупкая девчушка таскала шпалы. Строила метро в Москве, батрачила в Минске, пока не распределили в Донбасс. Там и познакомились с молодым бригадиром Колей. Дед часто вспоминал, как увидел ее впервые, со старым чемоданом в руках. В нем смен-

ное платье, платок и некое подобие пиджака. Одного взгляда была достаточно – на стройке Маше не место, здоровьем не сильна. Но зато внутри – такой стержень, такой характер, что кирпич под взглядом крошился. Как смеялся потом дед: это был выбор без выбора. Причём непонятно еще, кто кого прибрал.

Вся их долгая совместная жизнь – одна сплошная стройка. Менялась география, росли масштабы объектов. Не подводило, к счастью, богатырское здоровье и юморной задор дедушки. Как никуда не девались и глубокие шрамы войны, проступающие в ранней седине и морщинах бабушки. Среди тысяч других стахановцев изо дня в день поднимали они страну в трудовом подвиге. Между делом подняли и двух сыновей. Дед стал заслуженным строителем СССР. А бабушка – заслуженным хранителем воспоминаний, пенсии и житейской мудрости.

Как бы я хотела сейчас стиснуть в объятиях родных моих стариков и полакомиться хоть одной ложечкой того самого земляничного варенья. Даже блохастого Ваську потрепала бы с великой радостью. Все газеты готова перечитать им за возможность вот так посидеть вместе за накрытым столом. Хоть пять минуточек.

Глава 4. перевязки без права переписки

Новорожденная сестренка заходилась плачем, а я закаш-ливалась до удушья. Разрывающаяся между нами мама мысленно проклинала Советскую армию.

«Ну как можно было призвать на сборы мужчину, у которого только что родился ребенок? Ладно бы еще сборы были настоящие! А то ведь срочная уборка урожая».

Мама металась из угла в угол, отмеряя двумя с половиной шагами крохотную комнатку в квартире с общей кухне. Как ни укачивала – сестрѐнка всё не унималась. Наконец решительным жестом она добавила бальзам «Звѐздочка» в картофельный отвар, поставила кастрюлю на диван – стола в нашей комнате «три на три» попросту не было – и, накрыв меня над кастрюлей одеялом, велела глубоко дышать открытым ртом.

А потом... и не вспомню точно, как все произошло. Вроде всего на минуту мама вышла на кухню. А я то ли захотела скорее выбраться из плена одеяла, то ли просто сменить позу.

Весь многоквартирный дом оглушили душераздирающие крики. Сначала мои, потом мамины.

Одеяло страшно было даже развернуть, а я взмолилась, прижимая руки к обожженным ногам.

– Мамочка, не ругай меня, я нечаянно.

– Мариночка, прости меня, прости, это я во всём виновата.

Когда примчалась скорая, вердикт врача был суров – обширный ожог тяжелой степени.

– Еще немного, и кожа покроется волдырями и сойдет. Срочно едем в больницу!

Делать нечего, оставили сестренку с соседкой по квартире. В травмпункте маму немного обрадовали: спасли хлопчатобумажные колготки, и кипятик не обварил ноги полностью. Меня, забинтованную, как египетскую мумию, передали маме вместе с подробными указаниями по обработке и перевязке. Строго-настрого запретив больной вставать и ходить, в противном случае девочку ожидали страшные шрамы в качестве приданого.

Домой мы вернулись поздно, на такси. Хоть наши люди в булочную на такси и не ездят, но мама была так подавлена и обессилена, да и я не особо транспортабельна. Не знаю, что в тот момент выглядело более жутко: мои обожженные до мяса ноги или мамино лицо, посеревшее от чувства вины, сострадания и усталости.

Утром сердобольный сосед с 5-го этажа на своем москвичонке отвез нас к бабушке. Весь следующий месяц прошел в бесконечных перевязках: километры бинтов, килограммы

мази и гноя. Все это щедро залито литрами слез: моих, маминых, бабушкиных. Но тяжелее всего давалось то, что запрещали вставать. Совсем.

Мой дикий ор во время обработок, казалось, слышала даже глухонемая бабушка. Я докричалась до гнойного отита. Текло из обеих ушей, что грозило потерей слуха. Глухонемая печать так и нависала над детьми в этом роду, как ухмылка судьбы.

Папины родители сильно переживали и настойчиво приглашали приехать. Вскоре измотанная мама сдалась, и мы перекочевали от одной бабушки к другой. За месяц ноги сплошь покрылись уродливыми коричневыми корочками, но под ними уже нарастала новая кожа. Все это страшно зудело и докучало.

Когда в один из дней мама уехала с сестрёнкой в поликлинику, больную оставили на бабушку. И я принялась изводить ее просьбами разрешить мне хотя бы встать. Бабуля Маша перенесла ужасы и лишения войны, но вынести страдания четырехлетней внучки было выше ее сил. В качестве утешения она наготовила мое любимое лакомство – крошки со сметаной и сахаром. Но своенравная Мариша даже не притронулась и раздосадовано отвернула голову к стенке. Там висел ковер, узоры которого от скуки она частенько разглядывала. Бабушке стало совсем невозможно смотреть на мучения ребенка, и скрепя сердце она позволила нена-

долго встать.

Помню, маму я встречала на трясущихся ногах с радостью в глазах победоносным криком:

– Мамочка, смотри, я снова могу ходить.

– Что же вы наделали, я ведь просила, – всплеснула мама руками, и бусины слез покатались из ее уставших карих глаз.

Меня тут же уложили в постель, но было поздно. Новая кожа – слишком тонка, вся растрескалась. Корочки отошли с кровавыми потеками и лечение пошло по новой.

– Мамочка, давай поедem домой, – всхлипывала я на ее груди спустя пару дней. – Обещаю, что не буду вставать, кричать. И ещё...

– Ну тихо, тихо, не плачь. Что ещё, Мариш?

– На мой день рождения я больше всего хочу обнять папу, – я разрыдалась, и мама тоже заплакала. Молча. Она научилась этому в полуглухонемом детстве.

Три месяца без отца для нас оказались слишком долгими. От разлуки мне было гораздо больнее, чем от тяжелых ожогов.

Три месяца без мужа: ни звонков, ни писем. Одна с двумя детьми: грудным и обожженным – для мамы прошла будто вечность.

На следующее же утро вернулись в нашу крохотную комнату, которая всегда казалась такой тесной. Но только не в этот раз. Очутившись дома, мы с мамой обе выдохнули.

Да, тесный. Скромный. Временный. Но это был наш островок.

Теперь недели тянулись спокойнее – заживление шло хорошо. Я перестала орать во время перевязок, и гнойный отит отступил, оставив мне на вечную память лишь трещину в барабанной перепонке.

За три дня до моего четырехлетия вернулся отец. На нас с мамой полились слезы счастья. А папе, едва переступил порог, пришлось залпом выпить всё, что произошло. Он ведь совсем ничегошеньки не знал.

В тот день я сидела у отца на коленях, разглядывала такие знакомые, но немного подзабытые за время разлуки черты. Крутила пуговицы на манжетах, гладила по гладковыбритым щекам, целовала их. И мне было ни капельки не больно.

Глава 5. Цена первого класса

– Да поймите же вы, Марина не виновата, что так рано пошла в детский сад, – мама в который раз убеждала учительницу, пытаясь то надавить, то разжалобить. То заново пересказывая грустную историю о том, как рано ее вызвали из декрета, а бедную годовалую Маришу отправили в ясли. – Все ребята из ее группы пойдут в первый класс, а мою дочь вы предлагаете оставить на второй год? Она уже неделю толком не ест, плачет во сне и умоляет пойти в школу.

– Я вас прекрасно понимаю, – вздохнула молодая русоволосая учительница. – Ваша Марина действительно способная девочка: прекрасно читает, считает и, кажется, вполне готова к школьным нагрузкам. Я бы с радостью ее взяла. Но это не простой класс, а экс-пе-ри-мен-таль-ный! – последнее слово было сказано с придыханием и каким-то особым трепетом. – Туда принимают детей только с шести лет, а ей к первому сентября будет всего пять.

– Прошу вас, мы должны что-то предпринять, – голос предательски задрожал, мама глубоко вздохнула и покачала головой. – Вы даже не представляете, как сильно она хочет в школу и не перенесет отказа. Боюсь... это может отразиться на ее будущем.

– Пожалуйста, не переживайте так, – учительница внимательно заглянула в мамины глаза. – Вот если бы день рождения у Марины был не в октябре, а, скажем, на полтора месяца раньше, – вкрадчиво произнесла она и медленно кивнула, – это бы всё решило.

Две женщины заговорщицки переглянулись: в их симпатичные головки явно пришла одна и та же мысль.

– Я все устрою! Исправлю дату рождения на 30 августа, – мама тут же вцепилась в эту возможность и рукав учительницы. И перейдя на полусшепот, добавила, – Личные данные лежат в садике – я обо всем договорюсь. Вас это никак не коснётся.

– Ради вашей девочки я готова на это пойти, – учительница вдруг резко замолчала, сама не веря тому, что только что произнесла вслух. – Я надеюсь, вы понимаете: ни одна душа не должна узнать об этом.

Спустя месяц Мариша села за парту вместе с другими мальчишками и девочками. Счастье переполняло, и казалось, никогда не закончится. Новоиспеченная школьница была во всеоружии: карандаш остро заточен, косички туго заплетены, а рука наготове, чтобы высоко взлетать на каждый вопрос учителя.

Меня совершенно не смущало, что оказалась самой младшей в классе. Я – первоклашка! Всё остальное не важно.

Фальсификация данных и документов. Если судить строго, именно так можно назвать план двух заговорщиц, пусть и горячо мною любимых – мамы и первой учительницы. И все же: так непросто давшееся им решение и сделка с совестью распахнули мне двери в школу и те счастливые беззаботные годы.

Как сложилась бы моя жизнь теперь, не пойдя я тогда в первый класс? Это была бы другая учительница, другие дети и совершенно другая история.

Мне не ведомо, что «было бы, если...». Но одно я знаю точно: не стоит окрашивать поступки людей лишь черной или белой краской. В палитре жизни много других оттенков: она разноцветна и многогранна.

Глава 6. Октябрятская лихорадка

Колени и локти за лето были безжалостно ободраны, и первого сентября мы гордо демонстрировали друг другу «боевые» шрамы. Самые «солидные» раны добывались в неравном бою с велосипедом. То штанину зажуёт вечно голодная цепь, то педали прокрутят, то камень прямо под колёса выскочит. Своего «коня» у меня не было, всем двором катались на соседской «Каме». Пока дойдёт твой черед, уже вся дрожишь от нетерпения – и ка-а-ак разгонишься, что есть сил, отпустишь ноги, лети-и-и-ишь. Эх, лето!

И вот – сентябрь, начало учебного года, торжественное посвящение в октябрята. Для меня – будто посвящение в рыцари. Под дежурные аплодисменты второклассников принимали в ряды пионерии. Вешали на грудь «ордена» – значки с юным Володей Ульяновым, принимали присягу Красному знамени. Гордо задрав подбородок, стояла среди них и я. Стук юного сердца заглушал, казалось, даже барабаны, а широченная улыбка выдавала искреннего октябрёнка.

Я топала с линейки и рассуждала: как теперь изменится моя жизнь? Ведь раньше все делалось просто так, а теперь – за идею, за партию! Эх, это ж я макулатуры и металлолома вдвое больше соберу. Нет, второе!

– Мама, меня приняли в октябрята, – радостно запрыгала

я, едва открыв калитку.

– Поздравляю! А сейчас пойди и нарви травы курам, октябрьёнок Марина, – тут же осчастливили меня партийным заданием. – Только не как вчера! Вдвое больше. А лучше – втрое.

После окончания первого класса мы переехали в частный дом. Всего-то 64 квадратных метра, но после комнатухи, где ютилось до этого все наше семейство, он казался царскими хоромами. Мы с сестренкой бегали по комнатам и кричали друг другу «ау», словно боясь затеряться. А папа во всеуслышание был наречен добрым волшебником, ведь он сумел сотворить чудо – вызволить принцесс из плена мрачных стен и поселить в уютный сказочный мирок. Здесь было все для счастья: светлая девичья горница, цветущий палисадник и старый былинный вяз на заднем дворе.

Хозяйственные родители завели несушек, чтобы поутру к завтраку были свежие яйца. Вдоволь нарвать ботвы пернатым стало нашей с сестренкой обязанностью. На поле мы бегали вместе с соседской девчонкой, ей было поручено кормить кроликов. Через пару дней голодной птичьей забастовки выяснилось, что куры и кролики предпочитают все-таки разные травы. Дальше дело пошло на лад. Мы устраивали пеструшкам щедрые пиры из молодой крапивы, клевера и луговой люцерны.

Теперь же я рвала траву с особым старанием – когда ты октябрёнок, халтурить нельзя. Куры с благодарностью принимали двойную порцию угощения и, казалось, неслись с большим усердием. Может, они так поддерживали линию партии и ударные темпы производства?

Вечером папа решил затопить баню. Я, как всегда, заворожено смотрела на пламя в печи. Но в этот раз оно совсем не умиротворяло – не давали покоя мысли, что вредитель-родитель кидает прожорливой буржуйке слишком много бумаги. Не по-октябрятски это! Ценный ресурс надо экономить, а излишки – сдавать в макулатуру.

Папе стало неуютно под моим испепеляющим взглядом, и он вышел покурить. А я, вспомнив завет Ленина «учиться, учиться и ещё раз учиться», решила поиграть в школу. На стареньком диване в детской усадила всех сестренкиных кукол. Открыла импровизированный журнал и начала вызывать к доске – дверце двустворчатого лакированного шкафа. Шел урок литературы, «ученики» декламировали стих: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить». Но, оказалось, не все в классе были готовы к уроку, некоторые откровенно сачковали.

Я озвучивала стих за каждого. С выражением и интонацией – за хорошистов: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить». И запинаясь на каждом слове – за двоечников. У доски как раз стоял Сашка Петров и никак не мог осилить рифму, густо краснел, молчал и мычал.

– Вы меня простите, Марина Юрьевна, но это невозможно, – в мой воображаемый класс вошла вполне реальная мама. – Можно уже какой-нибудь другой стих разучивать? Я не в силах это больше выслушивать.

– Мама! – я сняла игрушечные очки из детской аптечки, отложила указку-карандаш и села в растерянности на маленький стульчик. – Как ты можешь? Это же стих про Ленина. Вождя народов!

Мама закатила глаза и вышла из класса, поняв, что меня пора лечить от побочных эффектов октябрьской присяги и лжепатриотической ветрянки. А я, испугавшись за оппозиционно настроенную маму, решила спасти ее. Незамедлительно.

Прибежав к отдыхающему после бани отцу, вместо «с легким паром», выпалила залпом «Авроры» всю правду об «изменнице Родины». Раскрасневшийся от пара, он сначала рассмехался, но, увидев мой серьезный настрой, успокоил:

– Мариша, не волнуйся, я с ней поговорю. Иди, продолжай урок: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.